

758
116.

Свящ. Д. Ромашковъ.

УЧЕНИКЪ ОБЪ УЧИТЕЛЪ.

(По поводу предстоящаго празднованія столѣтняго юбилея
Московской Духовной Академіи).

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XIV-25803
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕЙ

ХАРЬКОВЪ.

Епархіальная Типографія, Каплуновская ул., № 2.

1914.

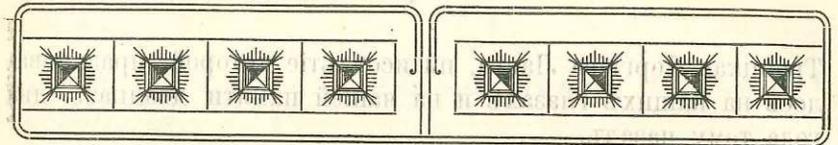
СВЯТ. Д. РОМАНОВЪ

УЧЕНИКЪ

ОБЪ УЧИТЕЛѢ

Отдѣльные оттиски изъ ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1914 г.

8083
ВЪЗВЪТЪ

УЧЕНИКЪ ОБЪ УЧИТЕЛѢ

(по поводу предстоящаго празднованія столѣтняго юбилея Московско-Духовной Академіи).

Приближается знаменательная юбилейная годовщина одного отъ высшихъ духовно-учебныхъ заведеній, существующихъ въ Россіи. Всѣ мы, бывшіе и настоящіе, воспитанники нашей *almae matris*, нашей родной и дорогой Императорской Московской Духовной Академіи, готовимся встрѣтить этотъ праздникъ достойнымъ образомъ. 1-ое Октября текущаго года, храмовой праздникъ въ Академіи, въ честь Божіей Матери, по случаю чуднаго и спасительнаго Ея Покрова, совпадаетъ нынѣ съ другимъ праздникомъ, праздникомъ столѣтняго юбилея существованія Академіи въ стѣнахъ древней Свято-Троицкой Сергіевой Лавры, куда она переведена была въ 1814 году изъ Москвы, изъ древняго же зданія, находившагося на Николаевской улицѣ при Заиконоспасскомъ монастырѣ и именовавшагося Славяно-Греко-Латинскою Академіею.

Столѣтіе Академіи—этотъ вѣковой періодъ ея существованія на одномъ и томъ-же мѣстѣ—имѣетъ, конечно, полное право на празднованіе, какъ освященный еще въ древности, въ Вѣтхомъ именно Заѣтъ періодъ времени, какъ истинный юбилейный годъ или, лучше сказать, двойной юбилей, принимая за юбилейную дату періодъ времени въ пятьдесятъ лѣтъ. Для ученаго учрежденія, какова именно Духовная Академія, этотъ періодъ времени является, конечно, не особенно продолжительнымъ и большимъ. Бываютъ учрежденія, которыя въ пять разъ болѣе переживали времени историческаго своего существованія. Такова, напр., Св.

Троицкая Сергіева Лавра, пятисотлѣтіе которой праздновалось на нашихъ глазахъ и на нашей памяти двадцать два года тому назадъ.

Но первая столѣтняя годовщина существованія Московской Духовной Академіи и пребыванія ея въ стѣнахъ знаменитой Лавры должна быть, по нашему мнѣнію, отмѣчена особенно тщательнымъ образомъ: ибо послѣдующія столѣтнія же годовщины ея не такъ уже трудно будетъ отмѣчать по этой первой, являющейся для нея какъ бы вѣхой, указывающей дальнѣйшій ея историческій путь. Надѣмся, что всѣ ученые силы Академическія, къ предстоящему юбилейному празднованію, совокупно и единомысленно придутъ къ какому-либо заключенію по поводу этой высокой миссіи Духовной Академіи, возложенной на нее и состоящей не въ томъ только, что она просуществовала такъ или иначе сто лѣтъ на свѣтѣ и выпустила цѣлый рядъ воспитанниковъ изъ своихъ стѣнъ, разошедшихся потомъ по разнымъ поприщамъ жизни, духовной и свѣтской,— но и въ томъ, что она находилась бокъ—о—бокъ съ Лаврою Преп. Сергія и прожила вмѣстѣ съ нею все это время мирно и спокойно и, главное, благоплодно и благотворно въ духовно-нравственномъ отношеніи.

Но, прежде чѣмъ это будетъ сдѣлано, въ юбилейныхъ-ли комиссіяхъ, специально учрежденныхъ съ этою цѣлію, какова именно академическая комиссія и комиссія Московскаго духовенства, или же нѣкоторыми частными лицами, не могущими остаться равнодушными и молчаливыми, въ виду приближающагося столь рѣдкаго и знаменательнаго и столь свѣтлаго и радостнаго торжества изъ жизни ихъ *almae matris*, будетъ предпринято, вѣроятно, много попытокъ и иного рода для характеристики жизни, прожитой Московскою Духовною Академіею за тотъ или иной періодъ ея столѣтняго существованія. Вѣроятно, къ этому времени появится не мало ученыхъ и всякаго рода иныхъ работъ: автобіографическихъ, біографическихъ, историческихъ и эпизодическихъ, такъ или иначе тѣсно связанныхъ съ жизнью Московской Духовной Академіи и освѣщающихъ ее съ той или иной стороны.

Наша задача, какою мы предприняли, для того чтобы принести съ своей стороны посильную дань признательности и благодарности своей *almae matri*, вспоившей и вскор-

мившей насъ въ духовномъ отношеніи, заключается въ предложеніи нѣкоторыхъ воспоминаній *ученика* Академіи объ ея *Учителѣ*.

Но если мы и рѣшились сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ, въ виду предстоящаго столѣтняго академическаго юбилея, то въ то же время сомнѣваемся и недоумѣваемъ: имѣемъ-ли мы какое-либо право говорить о своемъ учителѣ, когда онъ еще живъ и здравствуетъ доселѣ. Учителю, конечно, можетъ говорить о своихъ ученикахъ всегда и вездѣ; на то онъ и учитель. Но ученикъ, являющійся за стѣнами того или иного учебнаго учрежденія, какъ вышедшій уже изъ него, имѣетъ-ли онъ какое либо право говорить о своемъ учителѣ? Конечно, формальное право онъ имѣетъ, но нравственнаго права, по нашему мнѣнію, не имѣетъ никакого. Здѣсь уже онъ, если и выступаетъ съ своимъ словомъ, устнымъ или печатнымъ про своего учителя, то развѣ только въ силу словъ Христовыхъ: *отъ избытка сердца уста говорятъ* (Матѣ. XII, 34).

II.

Еще въ то время, когда я находился на третьемъ курсѣ Московской Духовной Академіи, въ послѣдней стали распространяться слухи о назначеніи къ намъ новаго ректора, Архимандрита Антонія, изъ ректоровъ С.-Петербургской Духовной Семинаріи. Этотъ Антоній, въ мірѣ Алексѣй Павловичъ Храповицкій, въ это время завоевалъ себѣ сердца и привлекъ къ себѣ симпатіи всей, можно сказать, Петербургской молодежи, учащейся въ духовныхъ школахъ, а отчасти и въ свѣтскихъ. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ: эта личность была во всякомъ случаѣ незаурядной по своимъ необыкновеннымъ талантамъ и по своему быстрому восхожденію по ступенямъ монашеской жизни. Происходя изъ свѣтскаго высшаго званія, онъ, Храповицкій, по окончаніи гимназическаго курса и по вступленіи въ число студентовъ С.-Петербургской Духовной Академіи, принимаетъ монашество и въ скоромъ времени становится сперва доцентомъ Петербургской Академіи, затѣмъ Инспекторомъ Академіи и ректоромъ Семинаріи.

Наша академическая молодежь, какъ и всякая другая молодежь, интересующаяся всегда новостями въ духовномъ

мірѣ и принимающая ихъ близко къ сердцу, особенно тѣ изъ нихъ, которыя касались академической жизни, заволновалась и зашевелилась, подѣ вліяніемъ этихъ слуховъ, шедшихъ къ намъ изъ Петербурга. Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ и радостію, съ назначеніемъ къ намъ на мѣсто ректора этого именно человѣка, чего-то новаго въ жизни, захватывающаго ихъ всецѣло, какихъ-то новыхъ и предчувствуемыхъ ими только теперь перемѣнъ во всемъ строѣ академической жизни. Скоро слухъ этотъ осуществился на дѣлѣ и сталъ уже настоящимъ фактомъ. Къ намъ, въ нашу старѣйшую Московскую Духовную Академію, назначенъ Архимандритъ Антоній (Храповицкій).

Я лично не знаю и не помню пріѣзда въ Академію новаго ректора ея, потому что этотъ пріѣздъ случился какъ разъ на Рождественскихъ каникулахъ, когда большинство студентовъ выѣхало уже, по случаю рождества, изъ Академіи и изъ Сергіева Посада. Мнѣ пришлось уже познакомиться съ нимъ лично послѣ этихъ каникулъ, именно въ началѣ 1891 года. Хотя я слышалъ и раньше о немъ изъ устъ другихъ, близкихъ къ нему, людей, хотя пришлось мнѣ испытать вліяніе его, въ дѣлѣ своей собственной судьбы, заочно, но я не могъ даже и въ половину представить себѣ того, что я видѣлъ воочию и что я испыталъ отъ соприкосновенія въ жизни съ этою рѣдкою и необыкновенною духовною личностію. Уже тотъ фактъ, о которомъ передавали намъ изъ устъ въ уста студенты Академіи, оставшіеся въ ней на Рождественскихъ каникулахъ и имѣвшіе счастье видѣть новаго ректора, въ день его пріѣзда, и бесѣдовать съ нимъ въ числѣ первыхъ,—уже этотъ фактъ, казавшійся намъ тогда легендарнымъ и баснословнымъ, что новый ректоръ, о. Архимандритъ Антоній, явился въ вѣренную ему Академію съ однимъ только странническимъ посохомъ въ одной рукѣ и съ чемоданомъ, наполненнымъ нѣсколькими книгами духовнаго содержанія, въ другой, не имѣя болѣе ничего другого при себѣ,—уже этотъ фактъ громко говорилъ уму и сердцу cadaго изъ насъ, что новый ректоръ несетъ къ намъ совершенно новое направленіе и совершенно новый образъ жизни.

А если представить себѣ тогдашняго ректора съ вѣшней стороны, если посмотрѣть на его открытый лобъ и

широкое, благообразное, истинно-русское лицо, обрамленное широкою же свѣтло-русою бородою, если почувствовать его привѣтливую улыбку на устахъ и какую-то незамѣтную снаружи и только ощущаемую внутренно любовь, свѣтящуюся въ его глазахъ, если принять во вниманіе его цвѣтушій, менѣе чѣмъ тридцатилѣтній, возрастъ,—то ясно станетъ, что онъ произвелъ на насъ чарующее впечатлѣніе. Въ самые близкіе и, поистинѣ, духовно-родственные отношенія онъ сталъ къ Академіи вообще и къ академической молодежи въ частности. И чуткая молодежь поняла его сразу и отдалась ему всѣмъ сердцемъ своимъ, ввѣривъ свою собственную судьбу въ руки этого, назначеннаго къ ней свыше, Начальника и Учителя.

Я сказалъ: начальника и учителя, потому что вмѣстѣ съ начальствомъ въ каждомъ начальникѣ, особенно духовномъ, непремѣнно должно быть соединено учительство. Плохой, по нашему мнѣнію, тотъ начальникъ, который не имѣетъ въ себѣ такого учительства, учительства если не словомъ, то дѣломъ или примѣромъ своей личной жизни, согласно словамъ Христовымъ: „такъ да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ челоуки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесахъ“ (Матѣ. V, 16); „иже сотворитъ и научитъ, сей велий наречетъся въ царствіи небесныхъ“ (Матѣ. V, 19).

Вотъ такимъ-то начальникомъ и учителемъ вмѣстѣ и былъ новоназначенный къ намъ ректоръ, Архимандритъ Антоній. Въ лицѣ о. Архимандрита Антонія мы видѣли больше учителя, нежели начальника. Не для нѣкоторыхъ только изъ насъ онъ былъ учителемъ или наставникомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, какъ профессоръ пастырскаго богословія, которое читалъ онъ на послѣднемъ курсѣ, но и для всѣхъ насъ, по тѣмъ задушевнымъ бесѣдамъ своимъ, которыя постоянно велъ, и въ аудиторіяхъ, и въ церкви, и дома, въ своей келіи, окруженный своими близкими и преданными ему учениками.

Какъ разнообразны были и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неистощимы и неисчерпаемы эти бесѣды его! Тогда какъ въ церкви, съ церковнаго амвона, онъ проповѣдывалъ намъ на самыя животрепещущія темы изъ современной церковно-общественной жизни,—въ бесѣдахъ своихъ, которыя производилъ онъ

въ аудиторіяхъ академическихъ и, особенно въ церкви, послѣ вечерней молитвы, въ девятомъ часу вечера, онъ преимущественно останавливался на любимой своей темѣ о пастырствѣ и о призваніи къ пастырской жизни. Здѣсь шла рѣчь, конечно, и о монашествѣ, какъ красѣ христіанства и какъ главномъ видѣ пастырства и болѣе безпрепятственномъ и удобномъ служеніи Церкви Божіей и людямъ, спасающимся въ ней; шла рѣчь и о священническомъ служеніи, вообще, объ его идеалахъ, высотѣ и святости. Поднимался вопросъ на этихъ вечернихъ бесѣдахъ въ церкви, среди полумрака церковнаго, особенно сильно дѣйствовавшего на наши юные умы и сердца, когда мы, за большой толпой присутствующихъ тамъ, не могли видѣть лица, говорящаго намъ о ректора, а могли только слышать его глубокопроникновенный въ наши души голосъ, и о другихъ предметахъ вѣры и жизни.

Въ особенности не могу не остановиться здѣсь, въ своихъ воспоминаніяхъ объ о. ректорѣ Академіи, Архимандритѣ Антоніи, на его художественныхъ и несравненныхъ бесѣдахъ, которыя онъ излагалъ намъ въ то же самое время, когда говорилъ о свѣтскихъ писателяхъ изъ нашей беллетристической литературы, когда раскрывалъ намъ религиозную мысль этихъ писателей, въ родѣ, напр., Ф. М. Достоевскаго. Этотъ послѣдній былъ разобранъ имъ такъ всесторонне и подробно, что какъ бы живой предстоялъ предъ нами. Съ совершенно новой стороны мы знакомились по этимъ бесѣдамъ нашего ректора съ свѣтскими писателями, которыхъ приходилось намъ изучать когда-то въ свѣтскихъ и духовныхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ.

Нужно замѣтить, что эти бесѣды были необязательными для студентовъ Академіи, но они постоянно посѣщали ихъ, посѣщали чрезвычайно охотно и даже спѣшили какъ бы наперерывъ другъ передъ другомъ поскорѣе придти въ церковь и занять тамъ наиболѣе лучшее мѣсто. Бывало въ тѣ дни, когда происходили эти бесѣды, придя въ студенческую столовую и вкушая вещественную пищу и питіе, утоляющую нашъ тѣлесный голодъ и жажду, не знаешь, когда конецъ будетъ этой вечерней трапезѣ и начнется другая, невещественная и усладительная, духовная трапеза, которая была для насъ, поистинѣ, „паче меда устомъ нашимъ (Пс.

118, 103) и „паче злата и топазія“ (Ів. 127). Говоря библейскимъ языкомъ, мы, какъ „олень на источники водные“, стремились всегда на эти бесѣды, услаждающія насъ и утѣшающія въ высшей степени.

А что сказать мнѣ про тѣ бесѣды и рѣчи, которыя велъ о. ректоръ въ своихъ покояхъ въ кругу студенческаго кружка, объединеннаго имъ вокругъ себя? Что за чудныя и никогда не забываемыя были эти рѣчи и бесѣды нашего ректора, когда онъ, не какъ ректоръ и не какъ начальникъ вообще, а какъ отецъ съ дѣтьми говорилъ и бесѣдовалъ съ нами, студентами Академіи!..

Эти бесѣды значительно отличались отъ тѣхъ, которыя велъ о. ректоръ въ другихъ мѣстахъ, велъ, такъ сказать, официальнымъ образомъ. Въ нихъ, если можно такъ выразиться, не обобщался предметъ содержанія его рѣчей, темы его разговоровъ не сводились къ обыденнымъ явленіямъ жизни, а разнообразились до чрезвычайности и индивидуализировались, смотря по возрасту, наклонности и душевнымъ способностямъ говорившаго съ нимъ. Правда, были рѣчи и общаго характера, которыя мы слышали въ покояхъ о. ректора Академіи. Это именно рѣчи и бесѣды, какія велъ онъ ежедневно за чаемъ въ кругу тѣхъ же студентовъ, посѣщавшихъ его и отдохавшихъ, такъ сказать, отъ трудовъ своихъ. Въ нихъ сказывался тогда о. Антоній, какъ гостепріимный и любвеобильный хозяинъ среди любезныхъ и дорогихъ ему гостей. Но тамъ, въ ректорскихъ покояхъ, большею частію слышались рѣчи и бесѣды духовнаго характера говоренныя въ отдѣльности съ разными студентами, посѣщавшими о. ректора во всякое время дня: и утромъ, и въ полдень, и вечеромъ, и далеко за полночь. Двери его покоевъ никогда не запирались, и всякій изъ насъ въ любой часъ дня могъ войти и спросить о. ректора.

Мы удивлялись и съ недоумѣніемъ спрашивали другъ друга: откуда только хватало силъ у нашего о. ректора, силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, для такихъ денно-ночныхъ бесѣдъ съ постоянно посѣщавшими его разными лицами: и изъ студенческой молодежи, и изъ профессорской корпораціи, и изъ другихъ сословій и званій. Поистинѣ, онъ былъ, подобно Апостолу Павлу, „всѣмъ вся, да всяко нѣкія спасетъ“ (1 Кор. IX, 22). Онъ жилъ тогда не своею личною

жизнiю, а жизнiю другихъ. Онъ всего себя отдавалъ на благо и счастье ввѣренной ему Академии. Это былъ человекъ, который могъ сказать о себѣ словами того же Ап. Павла: „уста наши отверсты къ вамъ“, любезные юноши, дорогие друзья, „сердце наше расширено. Вамъ не тѣсно въ насъ; но въ сердцахъ вашихъ тѣсно“ (2 Кор. VI, 11—12). Да, въ нашихъ маленькихъ, по большей части эгоистическихъ и самолюбивыхъ, сердцахъ было тѣсно тогда, тѣсно отъ того бездушнаго и строгаго формализма, который безпощадно душилъ насъ на каждомъ шагу нашей жизни! Намъ хотѣлось простора и духовной свободы, чтобы легче можно было дышать. И вотъ, мы нашли такое расширенное сердце въ нашемъ о. ректорѣ, Архимандритѣ Антонiи, который, можно сказать, всѣхъ насъ вмѣстилъ въ себя.

Замѣчательно, что люди въ настоящее время больше всего страдаютъ сердцемъ. Въ числѣ сердечныхъ болѣзней есть, между прочимъ, болѣзнь, которая носитъ названiе „расширенiе сердца“ и которая оканчивается, по большей части, смертiю. Такъ происходитъ, какъ видимъ, съ людьми плотскими, людьми отъ мира сего, грѣшнаго и развратнаго, лежащаго во злѣ (1 Иоан. V, 19). Но не такъ съ людьми духовными, особыми избранниками Божиими, сосудами благодати Божией, къ которымъ, по всей справедливости, нужно причислить нашего о. ректора, Архимандрита Антонiя. Вотъ онъ съ своимъ „расширеннымъ сердцемъ“, — сердцемъ, понимаемымъ, конечно, не въ физиологическомъ смыслѣ, а въ нравственномъ, шелъ къ намъ постоянно навстрѣчу, для того, чтобы всѣхъ насъ обнять, приласкать, утѣшить...

Здѣсь мы подходимъ къ рѣшенiю вопроса: почему же эта личность была такъ близка къ намъ и такъ обаятельна? — Да потому, что она, кратко говоря, была въ высшей степени любвеобильна! Такого обилiя любви и; притомъ, сострадательной любви, въ духѣ Христовой заповѣди, намъ, по-истинѣ, не приходилось видѣть ни въ комъ другомъ, какъ только въ лицѣ о. Антонiя. Тогда какъ другiе люди, противоположные ему по характеру, нервѣдко, какъ видимъ это опять въ современной жизни, „распыхаются сердца своими“, подобно древнимъ iудеямъ, о которыхъ повѣствуетъ намъ книга Дѣянiй Апостольскихъ (VII, 54), „рвутся сердца своими“ отъ злобы и жестокости своей, — въ лицѣ о.

Антонiя мы видѣли всегда ангела мира и любви, человека самой крайней снисходительности и благожелательности.

Ясно и несомнѣнно, что онъ обладалъ въ высшей степени даромъ вѣры Христовой, „поспѣшествуемой, по слову Апостола, любовью“. Не напрасно, поэтому, и св. Церковь воспѣваетъ въ своихъ пѣснопѣнiяхъ: „на камени мя вѣры утвердивъ, расширилъ еси уста моя“..., а вмѣстѣ съ устами, конечно, и сердце: потому что, по словамъ Спасителя, „отъ избытка сердца уста вѣщаютъ“. Въ такомъ духѣ вѣры и любви Христовой онъ воспиталъ цѣлое поколѣнiе молодыхъ людей, стоящихъ теперь на разныхъ поприщахъ служенiя св. Церкви Православной. Въ немъ, въ нашемъ ректорѣ о. Антонiи, мы видѣли какъ бы воплощенiе вѣры и любви христанской и, такимъ образомъ, познали опытно самую лучшую сторону христанства, отъ котораго теперь люди такъ отдалились въ жизни своей и стали непохожи на прежнихъ христанъ, руководившихся постоянно этимъ духомъ и проявлявшихъ его съ особенною силою въ себѣ и на другихъ.

Тѣ четыре съ половиною года, которые провелъ онъ въ стѣнахъ тихой и незамѣтной въ мiру Московской Духовной Академии, въ качествѣ ея ректора, никогда, конечно, не забудутся тѣми воспитанниками ея, которые имѣли счастье поступить въ нее и окончить курсъ наукъ при немъ. Но и тѣ воспитанники, которые хотя бы одинъ только годъ пробыли въ Академии подъ руководствомъ такого начальника и такого учителя, не забудутъ благотворнаго влiянiя на нихъ съ его стороны. Это влiянiе замѣтно было во всѣхъ отношенiяхъ: и въ отношенiи, прежде всего, церковно-бogosлужебномъ, и въ отношенiи учебно-педагогическомъ, и въ отношенiи экономически-хозяйственномъ. Оно живой струей влилось въ нашу Академию, которая, можно сказать, преобразилась совсѣмъ до неузнаваемости, сравнительно съ прежнимъ временемъ ея существованiя.

Конечно, духъ академической жизни значительно горѣлъ и прежде и рельефно выдѣлялся на фонѣ нашей вообще школьной жизни разныхъ типовъ и направленiй. Объ этомъ уже нами было нѣкогда говорено печатно¹⁾. Конечно, и въ нашей

¹⁾ См. нашу кн.: „Различные типы школъ и образованiя, получаемого въ нихъ современными русскими людьми“. Москва. 1898 г.

alma matris, за періодъ ея столѣтняго существованія, были начальники, замѣчательные дѣятели на нивѣ духовнаго просвѣщенія русскаго юношества, были профессора, знаменитые ученые мужи, прославившіеся своими бессмертными учеными твореніями и вполне сроднившіеся съ духомъ и направленіемъ, господствовавшимъ тамъ. Но образъ о. Архимандрита Антонія выдѣляется изъ среды прочихъ, которыхъ будетъ воспоминать Московская Духовная Академія въ день славнаго своего юбилея, и затмѣваетъ ихъ всѣхъ своею не столько величавостію внѣшнею, не столько какими-либо крупными подвигами въ наукѣ, хотя и съ этой стороны онъ заявилъ себя давно, какъ ученый мужъ, имѣющій степени магистра и доктора богословія, сколько именно своею смиренною любовію, своими аскетическими подвигами на поприщѣ пастырства, понимаемого въ смыслѣ душепопеченія о вѣранныхъ ему людяхъ Божіихъ.

Какъ въ вещественномъ ожерельѣ, среди другихъ драгоценныхъ камней, украшающихъ его, выдѣляется всегда какой-либо одинъ, отличающійся наибольшею цѣнностію и находящійся въ центральной части его: такъ точно въ томъ невещественномъ духовномъ ожерельѣ, которое будетъ надѣто на шею дорогой нашей матери руками ея дѣтей, и которое будетъ украшать ее 1-го октября, бывший ректоръ Академіи, Архимандритъ, теперь Архіепископъ, Антоній долженъ занять центральное мѣсто, не какъ Архіепископъ съ брилліантовымъ крестомъ на клобукѣ, а какъ прежде и больше всего духовный пастырь, какъ авва-отецъ бывшихъ воспитанниковъ ея, извнутри, изъ глубины своего сердца, свѣтящійся разноцвѣтными духовными камнями различныхъ добродѣтелей христіанскихъ, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ, конечно, любовь,—камнями болѣе блестящими и болѣе дорогими, нежели вещественные камни, каковы, напр., брилліантъ, изумрудъ и жемчугъ.

Но я забѣгаю нѣсколько впередъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ любящій ученикъ о своемъ возлюбленномъ Учителѣ, я долженъ вернуться назадъ, къ тому именно времени, когда мы оканчивали курсъ въ Академіи. Я хочу остановиться здѣсь еще на слѣдующемъ эпизодѣ изъ академической жизни.

Былъ прекрасный іюньскій вечеръ, манящій своею про-

хладною теплотою и вызывающій куда-нибудь въ рощу или въ лѣсъ, тѣмъ болѣе, что экзамены уже всѣ окончились и мы получили уже пока временныя свидѣтельства объ окончаніи нашего курса въ Академіи. Для нѣкоторыхъ изъ насъ, какъ, напр., для меня, это былъ уже послѣдній этапъ на пути продолжительной школьной жизни. Въ близкомъ будущемъ свѣтилась и предстояла новая земная жизнь съ новыми свѣтлыми чаяніями и вѣрованіями. Вообще, мы были настроены тогда восторженнымъ образомъ. Самая лучшая пора года, какова именно лѣтняя, благопріятствовала такому настроенію нашему во всѣхъ отношеніяхъ. Въ воздухѣ пахло ароматомъ цвѣтовъ, благоухающихъ изъ нашего академическаго сада, который весь утопалъ въ зелени и былъ въ этомъ отношеніи такъ очарователенъ и привлекателенъ, что казался намъ настоящимъ земнымъ раемъ. Но мы, студенты выпуска 1892 года, всѣ были въ тотъ день въ сборѣ и никуда не отлучались изъ нашей Академіи.

Что это за необыкновенный свѣтъ въ ректорскихъ покояхъ? Кажется, будни были, а они освѣщены были тогда по праздничному. То происходило прощаніе студентовъ съ Академіей, съ своимъ ректоромъ, поистинѣ, аввой-отцомъ Антоніемъ. Это онъ устроилъ такое торжество при послѣднемъ нашемъ прощаніи съ нашей *alma mater*. Сколько разъ мы переступали порогъ этихъ покоевъ! Какъ близки они были намъ и вождельны во все время пребыванія нашего въ стѣнахъ Академіи! Не чужими они были для насъ, а своими, родными покоями, гдѣ мы дѣйствительно обрѣтали „покой“ душевный и тѣлесный. На этотъ разъ мы шли туда не съ такимъ бодрымъ и радостнымъ настроеніемъ духа, какъ прежде. Съ тяжелымъ и, скажу прямо, томящимъ духомъ переступили мы порогъ этихъ покоевъ и вступили въ знакомыя намъ древнія сводчатыя комнаты, гдѣ на столахъ возжены были свѣчи и стояли тарелки съ разнымъ лакомствомъ. Въ послѣдній разъ пришли мы туда для того, чтобы проститься съ своимъ ректоромъ, посмотреть на его лицо, послушать его рѣчей и, можетъ быть, никогда больше уже его не видѣть и не слышать въ жизни.

Но вотъ явился и самъ хозяинъ покоевъ, нашъ добрый и благодушный ректоръ, о. Архимандритъ Антоній, и медленно завязалась, посреди вечерняго чая, оживленная

бесѣда его, послѣдняя прощальная бесѣда Учителя съ учениками, покидающими Академію. Кто изъ насъ, скажите, можетъ забыть когда-либо эту дивную и очаровательную бесѣду его, когда мы, въ ожиданіи послѣдняго прости, стояли какъ бы вкопанные на одномъ мѣстѣ, когда намъ не хотѣлось вкушать ничего изъ сластей, предложенныхъ нашимъ любвеобильнымъ отцомъ-ректоромъ, когда языкъ нашъ не повиновался намъ и не двигался съ мѣста, для того чтобы вылить все наружу, какъ бывало это прежде, но только при другой, менѣе торжественной, обстановкѣ и при другихъ обстоятельствахъ жизни нашей все въ той же Академіи,—когда намъ хотѣлось только смотрѣть и не на-смотрѣться вдоволь на дорогого нашего ректора, слушать и не наслушаться его медоточивыхъ рѣчей?—О. Антоній, подмѣтившій, вѣроятно, наше смущеніе и нашу робость, самъ пошелъ къ намъ навстрѣчу, переходя отъ стола къ столу, отъ одной группы студентовъ къ другой, для того чтобы нѣсколько ихъ развеселить и подбодрить. И сколько мы услышали здѣсь уроковъ жизненныхъ и многоцѣнныхъ изъ краснорѣчивыхъ устъ того же любвеобильнаго отца-ректора! Эти уроки, конечно, никогда не забудутся нами въ жизни. Они помогутъ намъ и спасутъ насъ во всѣхъ бѣдствіяхъ и злключеніяхъ жизни нашей, могущихъ случиться и, дѣйствительно, случающихся въ жизни нѣкоторыхъ изъ насъ.

Товарищи ХХVІІ со времени основанія Академіи курса! Вы, которые разошлись теперь по разнымъ концамъ нашего обширнаго отечества и находитесь на различныхъ поприщахъ церковно-общественной жизни, вы можете засвидѣтельствовать мнѣ, что я не лгу, а говорю чистую истину, что я нисколько не преувеличиваю въ этомъ описаніи моемъ послѣдней прощальной бесѣды нашего незабвеннаго учителя съ учениками, а описываю такъ именно, какъ дѣйствительно было на самомъ дѣлѣ, когда, въ противоположность переживаемой нами лѣтней природы, „догорали огни, облетали цвѣты“, а на душѣ нашей было такъ радостно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ печально, какъ бываетъ это осенью. И хочется вѣрить и надѣяться,—и мы вѣримъ и надѣмся, согласно-заявленію самого о. Антонія, сдѣланному имъ въ недавнее время публично,— что онъ, Высокопреосвящен-

нѣйшій Владыка Антоній, „теперь удалившійся тѣломъ въ Харьковъ, душою присно нашъ молитвенникъ, нашъ ходатай, нашъ учитель и другъ, все тотъ же, все прежній“.

А ты, родная и дорогая наша Академія, къ которой обращены теперь отовсюду, и съ сѣвера и съ юга, и съ запада и съ востока, духовные взоры твоихъ воспитанниковъ, по случаю предстоящаго твоего славнаго юбилея, ты въ лицѣ этихъ самыхъ воспитанниковъ, учившихся нѣкогда подъ руководствомъ такого учителя, какимъ былъ именно о. Антоній, запиши крупными буквами на скрижаляхъ сердца это имя его, громко говорящее о томъ, что и въ наше скудное духомъ время не изсякла еще совсѣмъ любовь христіанская и что и теперь есть еще на грѣшной землѣ нашей люди, носящіе въ себѣ высокій пастырскій идеаль!..

